

УДК 323.2
ББК 66.3(0)

Политика памяти ЕС в контексте осмысления деколонизации и европейской идентичности*

Е.В. Хахалкина

Томский государственный университет (Томск, Россия)

EU Memory Politics in the Context of Understanding Decolonization and a Common European Identity

E.V. Khakhalkina

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

В статье ставится задача определить взаимосвязь деколонизации, поисков укрепления европейской идентичности и выстраивания политики памяти на примере Европейского союза с целью установления проблемных и перспективных точек на нынешнем этапе развития объединения. Показаны терминологические трудности использования таких категорий, как «политика памяти», «деколонизация», «европейская идентичность», а также процесс их постоянного наполнения новыми смыслами. Особое внимание обращается на моральный аспект деколонизации и проблемы ответственности бывших европейских метрополий перед развивающимися странами, длительное время входившими в состав их формальных и неформальных империй. Выявлено, что миграционный кризис 2014–2016 гг. стал своеобразной «точкой разлома» в отношении к мигрантам в целом и беженцам в частности, поставив под сомнение традиционные европейские ценности и готовность стран Евросоюза разрешить возникший кризис в духе гуманитарной помощи и философии развития. Осмысление деколонизации в ряде европейских стран не только не завершилось, но и на идейно-политическом и институциональном уровне не начиналось. Такая ситуация обуславливает актуальность затронутых сюжетов и их научно-практическую и политическую значимость.

Ключевые слова: политика памяти, деколонизация, европейская идентичность, политика развития.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-14

Известный французский исследователь политики памяти П. Нора в качестве одной из причин «мемориального бума» конца 1980–1990-х гг. назвал деколонизацию, а именно «потребность освободив-

The purpose of the article is to determine the relationship between the processes of Decolonization, the search for strengthening European identity and building a memory policy on the example of the European Union with the aim of identifying problematic and promising points at the current stage of development of the association. The terminological difficulties of using such categories as “memory policy”, “decolonization” and “European identity” and the process of their constant filling with new meanings are shown. Particular attention is paid to the moral aspect of decolonization and the problems of responsibility of the former European metropolises to developing countries, which for a long time were part of their formal and informal empires. It was revealed that the migration crisis of 2014–2016. It became a kind of “break point” in relation to migrants in general and refugees in particular, casting doubt on traditional European values and the willingness of EU countries to resolve the crisis in the spirit of humanitarian assistance and a development philosophy. The interpretation of Decolonization in a number of European countries not only did not end, but also did not begin at the ideological, political and institutional level. Such a situation is determined by the relevance of the considered subjects and their scientific, practical and political significance.

Key words: memory politics, Decolonization, European identity, development politics.

шихся народов в формировании собственной идентичности на базе переосмысления своего прошлого» [1, с. 41]. Этим же взглядам вторит германский политолог К. Легтеви, который относит колони-

* Выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета №8.1.27.2018.

лизм к одному из семи кругов европейской памяти, включая в него исторический период от рабства до неокOLONиальной экономической политики современности [2].

Как междисциплинарная область исследования политика памяти оформилась в 1990-е гг. [3], и с тех пор количество публикаций по ее различным сюжетам нарастает в геометрической прогрессии. Термин «политика памяти» имеет разное наполнение. Ряд ученых определяет его как «целенаправленные политические публичные действия, с помощью которых события прошлого запоминаются, репрезентируются или забываются. Политика памяти – это инструментальный процесс политической / идеологической селекции / регуляции с помощью принятых общественных норм и практик, как событий прошлого, так и их интерпретаций для коллективной памяти» [4, с. 184]. Российские исследователи отмечают, что память как категория представляет собой социальный конструкт [5, с. 135]. Прошлое не воспроизводится в точных деталях, скорее, его отдельные элементы конструируются в определенное воспоминание о нем. Иначе говоря, память избирательна, что в равной степени относится как к конкретному индивидууму, так и к коллективу в целом.

Следует обсудить и другой термин – «деколонизация». Это понятие исследователи до сих пор продолжают наполнять новыми смыслами, что диктуется духом времени: на примере бывших европейских метрополий данный термин актуализируют миграционные вопросы и политика развития ЕС. Декolonизация, которая не была одномоментным явлением [6, р. 2; 7], выступает как многокомпонентный феномен, затрагивающий проблемы ответственности европейских стран перед бывшими колониями, зависимость Евросоюза от постоянного притока иностранной рабочей силы и задачи интеграции мигрантов разных поколений.

В статье ставится цель взглянуть на феномен деколонизации сквозь призму политики памяти, не представляющей собой единое целое, но занимающей важное место в усилиях Евросоюза по формированию и укреплению общеевропейского самосознания.

Актуальность затронутой тематики растет в современной мировой науке в связи с непрерывным движением качелей – от усиления к ослаблению национальных государств. В этих условиях интерес вызывает как проявление деколонизации в настоящее время, так и причины и условия ее зарождения в формате империй и их трансформаций [8, с. 5]. Рост имущественной дифференциации, противостояние по линии развитого «Севера» и отсталого «Юга», усиление популизма и дефицит демократии в странах ЕС сигнализируют о недостаточном осмыслении феномена колониализма в целом и деколонизации

как одной из его граней. Российские эксперты признают, что «если рассматривать деколонизацию как построение подлинно независимых, самостоятельных, самодостаточных, политически устойчивых и экономически успешных современных государств, придется признать, что в большом числе случаев она поставленных задач так и не решила» [9, с. 125].

Такое явление, как «несостоявшиеся государства» в африканских странах, имеющих длительное колониальное прошлое, лишний раз подтверждает этот тезис. Для Европейского союза эти проблемы не являются периферийными. Часть беженцев и трудовых мигрантов выбирают именно благополучные страны ЕС как пункт назначения.

Проблемы приема новых и интеграции уже проживающих на территории ЕС мигрантов затрагивают моральный аспект деколонизации, который хотя и не проявляется явно и не поддается измерению, на сегодняшний день затрудняет адекватное вписывание процессов деколонизации в общую политику памяти ЕС. В данном случае речь идет об ответственности европейских метрополий перед своими бывшими колониями и форматах такой ответственности. Например, в отличие от Франции и Соединенного королевства, Нидерланды относительно поздно признали свою роль в участии в международной торговле. Исследователи считают, что «это не вопрос колониальной амнезии; факты голландской колониальной войны открыто выставляются в телевизионных сериалах. Чего не хватает, так это морали Возмущения (выделено мной. – Е.Х.). Отсутствует чувство преемственности с колониальным прошлым» [10, р. 193]. Другой зарубежный исследователь развивает эту мысль так: «...деколонизация привела только к политико-юридической, но не подлинной свободе для простых народов Африки» [11, р. 71–89]. Этим словам вторят российские эксперты: «...формальная независимость, выход из-под опеки бывших метрополий, наличие национальных властных структур, место в ООН и проведение относительно самостоятельной внутренней и внешней политики – далеко не то же самое, что реальный суверенитет» [9, с. 125].

Следует признать, что в современном Евросоюзе не наблюдается единства по вопросам признания ответственности за колониальное прошлое и выработки соответствующей политики. С одной стороны, долг перед бывшими колониальными народами не отрицается, с другой стороны, он четко не артикулирован в политическом курсе Евросоюза и политике памяти. Мигранты из слаборазвитых, преимущественно бывших колониальных государств, остаются во многом чужеродным элементом в восприятии европейцев, причем это чувство неприятия только усиливается на фоне зависимости на уровне официальных властей и рядового населе-

ния от постоянного притока иностранной дешевой силы для восполнения естественных лагун в связи с демографическими трудностями.

Сюжеты, связанные с деколонизацией, в настоящее время затрагивают интересы разных групп населения внутри Евросоюза. Миграционный кризис 2014–2016 гг. показал не только отсутствие внятной стратегии на случай таких массовых перемещений выходцев из слаборазвитых стран и из зоны военных действий, но и выявил наличие глубокого кризиса в политике развития Евросоюза, нацеленной прежде всего на взаимодействие с бывшими колониальными странами в рамках так называемой АКТ-группы (страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана). В образовательной сфере дискуссия вызывает согласование разных матриц нациестроительства, феномена колониализма и процессов деколонизации, определения их места и оценки в контексте интеграции разных конфессиональных и этнических групп.

Одним из сложных вопросов в этом контексте остается отношение к колониальному прошлому. Профессор социологии Университета Уорика Г.К. Бхамбра на фоне недавнего миграционного кризиса обратил внимание на моральную и юридическую ответственность Европы перед беженцами: «произошла путаница текущих споров об иммиграции, свободном передвижении людей в пределах ЕС и характере наших обязательств в рамках международного права беженцев», «тесно связанных через нашу общую историю колониализма и неокониализма» [12].

Сущность происходящих процессов емко выразил известный немецкий философ и социолог Ю. Хабермас. В книге «Европа: неустойчивый проект» он предположил, что в Евросоюзе в настоящее время происходит «болезненный переход к постколониальным иммигрантским обществам» наряду с «унизительными условиями растущего социального неравенства», связанными с давлением глобализированных рынков труда» [12]. Такое предположение лишнее раз подтверждает тезис о незавершенности деколонизации.

Попытки запуска диалога между разными сторонами о сущности колониализма, об ошибках и достижениях правительственного курса разных стран при проведении деколонизации и ее последствиях в современных международных торговых и политических отношениях предпринимаются постоянно на разных площадках как научно-экспертного, так и политического уровня. Например, в 2001 г. на Всемирной конференции ООН, посвященной борьбе против расизма, расовой дискриминации и ксенофобии, ряд правительственных министров из развивающихся стран заявили о том, что нищета и недостаточное развитие частично обусловлены последствиями длительного периода рабства и коло-

ниализма. Некоторые представители развивающихся стран, выступавшие на конференции, утверждали, что ошибки могут быть устранены только путем четкого признания прошлого угнетенными странами и создания схем для компенсации за причиненный ущерб. В ходе выступлений были затронуты сопутствующие вопросы, такие как ситуация в отношениях между Израилем и Палестиной, защита прав трудящихся-мигрантов, право на достойную занятость, важность образования и др. [13].

В условиях произошедшего в 2014–2018 гг. (периодизация выделена автором на основе данных Евробарометра за указанный период) снижения солидарности внутри Евросоюза обозначилась потребность в укреплении положительного образа объединения в контексте общей политики памяти. В настоящее время Евросоюз в силу комплекса причин субъективного и объективного характера имеет линейку разных «политик памяти». А.Л. Якубин, один из отечественных специалистов, отмечает возникновение «нового типа конструирования прошлого, нового типа общей европейской политики памяти. Отдельные сюжеты (память отдельных социальных групп, регионов, стран) в ней могут жить своей жизнью, просто будучи вписанными в общую повествовательную рамку «Европейский союз» [4, с. 189].

Эта точка зрения соответствует представлениям об идентичности П. Нора. По его мнению, «идентичность претерпела заметные трансформации. ... превратилась из индивидуального и субъективного понятия в коллективное, квазиформальное и объективное. Идентичность, как и память, является чувством долга: меня просят стать тем, кто я есть: корсиканцем, евреем, рабочим, алжирцем, чернокожим» [14].

Как известно, под идентичностью понимается чувство сопричастности и отождествления себя с кем-то или чем-то, основанное на дихотомии «свой-чужой». Несмотря на огромный пласт исследований, связанных с понятием коллективного самосознания на уровне Евросоюза, указанная категория остается во многом условной – отсутствует ее общепринятое определение, способы ее формирования носят подвижный, если не сказать экспериментальный, характер. Европейское самосознание не является характеристикой, присущей лишь жителям ЕС, поскольку не все европейские страны входят в состав объединения. Поэтому более уместным является использование термина «идентичность ЕС».

Как любое чувство, идентичность отличается изменчивым текучим характером. Европейский союз – это живой организм, который находится в постоянном движении, испытывая на себе влияние разных факторов, как ослабляющих, так и укрепляющих общеевропейское самосознание. Появление наднацио-

нальных европейских структур в 1950-е гг. – впервые в мире – происходило в условиях резко ускорившихся процессов деколонизации и отражало стремление европейских метрополий сохранить в преобразованном виде отношения с бывшими и сохраняющими колониальный статус территориями. В Римском договоре 1957 г. о создании Европейского экономического сообщества предусматривалось предоставление статуса ассоциированных членов Общего рынка так называемым заморским территориям, входившим в формальные и неформальные империи европейских стран.

Впечатляющие успехи наднациональных структур в 1960-е гг. послужили основанием для появления планов по углублению интеграции и насыщению ее новыми идейно-политическими смыслами. В 1973 г. все девять участников Европейских сообществ подписали Декларацию идентичности, в которой намечался путь к складыванию общеевропейского самосознания через традиционные ценности европейских народов – верховенство закона, гражданское общество, сохранение общей культуры, истории и других смысловых категорий.

Такой курс отводил особую роль политике памяти, хотя она и не была юридически прописана. Формирование чувства приверженности к Европейским сообществам предполагало наличие определенных точек опоры. Результаты «замеров» в Евробарометре в динамике показывают, что большинство граждан ЕС относят себя как к европейцам, так и к жителям своего государства. Такой ответ впервые был зафиксирован в 1992 г., и с тех пор эта цифра колеблется в пределах от 51 до 70% [15]. Однако наиболее сильной вплоть до настоящего времени остается именно национальная идентичность, и в этих условиях требуется согласование разных политик памяти с тем, чтобы не допустить углубления разночтений между ними и раскола внутри ЕС.

По сути, в настоящее время речь идет не столько о том, идентифицирует ли себя гражданин Европы как европейца, а что подразумевать под самим понятием «Европа» и выступающими в качестве его синонимов «Единая Европа» и «Европейский союз». Европа как сердце демократии и гуманитарных ценностей оказалась дискредитирована в период ми-

грационного кризиса 2014–2016 гг. Ряд восточно-европейских стран начали возводить заграждения против беженцев и отказывались выполнять введенную в сентябре 2015 г. на уровне Брюсселя систему квот на их прием и размещение. Возник вопрос о наполнении категории общеевропейской идентичности реальным, эффективно, без сбоев работающим в кризисные времена содержанием. Те компоненты, которые сегодня фигурируют в качестве элементов общеевропейского самосознания – общая история, география, единая валюта евро, свободное передвижение людей, мир и другие, преимущественно замыкаются на самом Европейском союзе и не всегда учитывают интересы мигрантов, для которых вписанность в европейское пространство идентичности – это вопрос определения колониального прошлого тех стран, выходцами из которых многие из них являются.

В краткосрочной перспективе сложно прогнозировать, что продолжающийся на разных площадках диалог между заинтересованными сторонами о степени, формате и признании взаимной ответственности за колониальное прошлое принесет ощутимые результаты. Феномен деколонизации, как мы видим, не является достоянием истории, а продолжает оказывать влияние на современное положение Евросоюза. Существование разных политик памяти внутри союза и отдельных его государств наряду с современными войнами памяти мешает выработке общего курса в отношении прошлого европейских народов, формулированию объединяющих смысловых точек, от которых можно оттолкнуться с целью преодоления фрагментации взглядов на свою историю. Как следствие, происходит ослабление идентичности ЕС, компонентом которой выступает политика памяти. Одно слабое звено ослабляет цепочку в целом. В Брюсселе осознают эти проблемы, постоянно предпринимая инициативы для преодоления наметившегося тупика, однако в настоящее время отвлечение внимания на другие вызовы, рамки политкорректности, особенно громко напоминающей о себе в академической среде, мешают более пристальному вниманию и объективному анализу затронутых сюжетов.

Библиографический список

1. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
2. Leggewie C. Seven Circles of European Memory. URL: <https://www.eurozine.com/seven-circles-of-european-memory/>.
3. Fuchs E., Otto M. Educational Media, Textbooks, and Postcolonial Relocations of Memory Politics in Europe.

// Journal of Educational Media, Memory & Society. 2013. Vol. 5. No. 1. Special Issue: Postcolonial Memory Politics in Educational Media.

4. Якубин А.Л. Политики памяти в объединенной Европе: общность, партикулярность, ассамбляж // Политическая наука. 2014. №2.

5. Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 407.
6. Collins M. Nation, State and Agency: Evolving Historiographies of African Decolonization. // Britain, France and the Decolonization of Africa. Ed. by Andrew W.M. Smith, Chris Jeppesen. Berkeley, 2017.
7. Bogaerts E., Raben R. Prologue // Beyond Empire and Nation. The Decolonization of African and Asian societies, 1930s-1970s. Leiden ; Boston, 2012.
8. Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-азиатские общества. История и современность. 2015. №2.
9. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной // Полис. Политические исследования. 2019. №1.
10. Bosma U. Post-colonial Immigrants and Identity Formations in the Netherlands. Amsterdam, 2012.
11. Ndlovu-Gatsheni S.J. Fiftieth Anniversary of Decolonisation in Africa: a Moment of Celebration or Critical Reflection? // Third World Quarterly. Vol. 33. No. 1. 2012.
12. Bhambra G.K. The Refugee Crisis and Our Connected Histories of Colonialism and Empire. URL: <https://www.sicherheitspolitik-blog.de/2015/10/01/the-refugee-crisis-and-our-connected-histories-of-colonialism-and-empire/>.
13. World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance. Acknowledgement of Past, Compensation Urged by Many Leaders in Continuing Debate at Racism Conference. URL: <https://www.un.org/WCAR/pressreleases/rd-d24.html>.
14. Nora P. Reasons for the Current Upsurge in Memory. URL: <https://www.eurozine.com/reasons-for-the-current-upsurge-in-memory/>.
15. European Commission. 40 years. Eurobarometer. EU citizenship. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/topics/fs5_citizen_40_en.pdf.